

Мартин Хайдеггер

Ф Е Н О М Е Н О Л О Г И Я

И Т Е О Л О Г И Я

/ Перевод с немецкого Т.Горицовой /

Доклад "Феноменология и теология" был прочитан 9.Ш.1927 г. в Тьбингене и повторен 14.П.1928 г. в Марбурге.

Опубликованный текст воспроизводит вторую часть марбургского доклада: "Позитивность теологии и отношение к феноменологии", содержание части пересмотрено и расширено.

Вульгарное воззрение на отношение теологии и философии охотно ориентируется на противоречивые формы веры и знания, откровения и разума. Философия — это далекое откровение, лишенное веры толкование мира и жизни; теология, напротив, является выражением, определенным верой, — в нашем случае христианского мировоззрения. Философия и теология, рассматриваемые таким образом, выражают собой напряжение и борьбу двух мировоззренческих позиций. Это отношение не разрешается через научную аргументацию, но через способ, меру и силу мировоззренческого убеждения и провозвестия.

Мы постигаем проблему отношения изначально иначе, мы постигаем ее как вопрос о б о т н о ш е н и и д в у х н а у к. И этот вопрос нуждается в более ~~нашим~~ точном определении. Речь идет не о сравнении фактического состояния двух исторически данных наук, так как мы не принимаем в расчет тот факт, что целостное состояние каждой из этих двух наук трудно изобразить сегодня при дивергенции направлений обеих сторон.

На этом пути, сравнивающем фактические отношения, мы не сможем выработать основополагающего взгляда на взаимодействие христианской теологии и философии.

Чтобы найти почву для основополагающего дискутирования проблемы, мы нуждаемся в идеальной конструкции для идей обеих наук! Из возможностей, которыми они располагают как науки, следует разрешить вопрос об их возможном отношении друг к другу.

Но подобная постановка вопроса предусматривает сначала фиксацию идеи науки вообще и обозначения фундаментальных возможных отклонений от этой идеи. (Мы не можем углубиться в эту проблему, которая должна быть пролегоменами к нашей дискуссии.) Лишь в качестве путеводной нити дадим следующее определение науки: наука — это обосновывающее раскрытие соответственно закрытой в себе сферы сущего, следовательно, и бытия, с целью самого раскрытия. Каждая предметная сфера обладает сообразно с характером своей предметности и видом своего бытия собственным способом возможного раскрытия, указания, обоснования и понятийного оформления образующего познания. Из идеи науки вообще, поскольку она постигается как возможность бытия, можно показать: существуют по необходимости две основные возможности науки: науки о сущем, онтические науки (см. примечание к статье с.), — и одна наука о бытии, онтологическая наука, философия. Соответственно, онтические науки делают своей темой предлагающее сущее, которое каким-то определенным образом обнаружено уже до научного обнаружения.

Науки о подлежащем сущем, о позитиве мы назовем позитивными науками. Их характеристика в том, что определение их темы совершается именно в направлении сущего как преодоление уже существующей преднаучной установки к этому сущему.

Наука же о бытии, онтология, напротив, нуждается в основательном переворачивании взгляда, направленного на сущее — от сущего к бытию, сущее между тем остается предметом внимания, конечно, при модифицированной установке. Я не рассматриваю здесь методический характер этого переворачивания. Действительные и возможные науки о сущем, позитивные науки, обладают относительным различием сообразно с тем отношением, которое ориентирует науку на определенную сферу сущего. Напротив, любая позитивная наука отличается от философии не относительно, но абсолютно.

Итак, наш тезис гласит: т е о л о г и я — э т о п о з и т и в н а я н а у к а и к а к т а к о в а я о н а а б с о л ю т н о о т л и ч а е т с я о т ф и л о с о ф и и.

Нужно спросить, как при этом абсолютном различии теология все же относится к философии. Без сомнения, из этого тезиса следует, что теология как позитивная наука в основе своей стоит ближе к химии и математике, чем к философии. Таким образом мы в экстремальной форме формируем отношение между теологией и философией и формулируем его в противовес вульгарному представлению, следуя которому, каждая из названных наук имеет в качестве темы одну и ту же самую сферу — человеческую жизнь и мир, но которая руковод-

ствуется при этом определенным способом рассмотрения: одна- принципом веры, другая- разума. Согласуясь с тезисом, мы скажем: теология- это позитивная наука и как таковая она абсолютно отличается от философии. В качестве задачи, которой мы задаемся, может выступить следующая: нужно обозначить теологию нормативной наукой и на основе этой характеристики прояснить ее возможное отношение к абсолютно отличной от нее философии.

Нужно заметить, что теология здесь берется мной в смысле христианской теологии, однако я не утверждаю, что существует лишь она одна. Хотя вопрос о том, является ли теология вообще наукой, централен, его нужно пока отложить, и не потому что осмысленно этот вопрос не может быть поставлен, и не потому, что мы хотим избежать проблемы, но потому, что осмысленно этот вопрос не может быть поставлен, покуда идея теологии не прояснена в определенном объеме.

Прежде чем приступить к собственному раскрытию, я разовью диспозиции следующих соображений. Согласно тезису речь идет о позитивной науке и, очевидно, о позитивной своеобразным образом. Нужно коротко обнаружить то, что вообще составляет позитивность науки:

Позитивности науки принадлежит:

1) что уже как-то раскрыто^е сущее в определенном объеме преднаходимое как возможная тема теоретического определения и вопрошения;

2) что подлежащий позитив преднаходится в определенном преднаучном способе обращения с сущим, в котором спо-

соб обращения уже показывает специфическую вещественность этой сферы и способ бытия рассмотренного сущего, раскрытого уже до всякого теоретического рассмотрения, пусть даже не выразительно и бессознательно.

Относится к позитивности и то, что это преднаучное отношение к подлежащему сущему (природа, история, хозяйство, пространство, число) освещается и ведется единым, хотя и непонятным пониманием бытия. Значит, позитивность может варьировать соответственно внешности сущего, соответственно его способу бытия и соответственно способу принадлежности этой раскрытости подлежащему.

Возникает вопрос: в чем позитивность теологии? На этот вопрос нужно ответить открыто, прежде чем определить ее отношение к философии. Характеризуя через позитивность, мы еще недостаточно определили ее как науку; у нас еще нет полного понятия теологии как науки, у нас есть только то, что принадлежит ей как позитивной науке. Ведь прежде всего речь идет о том, чтобы обозначить одновременно в ориентации на специфическую позитивность теологии ее специфический научный характер, ее специфическую научность.

Итак, только характеристика позитивности теологии и характеристика ее научности приближают к нам эту дисциплину как позитивную науку и дает таким образом почву для обозначения ее возможного отношения к философии. Так наше рассмотрение получает трехслойное деление:

Членение:

- а) позитивность теологии;
- б) научность теологии;
- в) возможное отношение теологии как позитивной науки

к философии.

А. Позитивность теологии

Позитивная наука является обосновывающим обнаружением подлежащего и как-то уже обнаруженного сущего. Встает вопрос: что предлежит для теологии? Можно было бы сказать: подлежащим для христианской теологии является христианство как историческое происшествие, явленное религиозной и духовной историей, видимое в настоящем как всеобщее всемирноисторическое явление в своих построениях, культах, союзах и группах.

Христианство— подлежащий позитив, а теология— наука об этом.

Очевидно, было бы ложно определить теологию таким образом, т.к. теология сама принадлежит христианству. Теология сама по себе есть нечто, что сообщает о себе всемирноисторически, всеобщим образом во внутренней взаимосвязанности с целым христианством. Очевидно, теология не может быть наукой о христианстве как всемирноисторическом событии, она является наукой, которая сама принадлежит к этой истории христианства, несетя ею и вновь определяет ее. Значит, теология— это наука, которая сама принадлежит истории христианства примерно так, как каждая историческая дисциплина сама является историческим явлением и является им таким образом, что сама репрезентует собой исторически изменяющееся самосознание.

Так могла бы возникнуть возможность обозначить теологию как самосознание христианства в его всемирноисторичес-

ком явлении. Но теология принадлежит христианству не только потому, что она в своей историчности вступает во взаимодействие со всеобщими явлениями культуры, теология — это познание того, что позволяет христианству существовать как всемирноисторическому событию. Теология — это понятийное знание о том, что делает христианство первоначально историческим событием, знание о том, что мы попросту называем христианским. Итак, мы утверждаем: подлежащим (позитивом) для теологии является христианское. И оно определяет возможную форму теологии как его позитивной науки. Встает вопрос, что значит христианское?

Христианской мы называем веру. Ее сущность ограничивается формально следующим образом: вера — это способ экзистирования человеческого бытия, которое временит по собственному, существенно присущему этому способу бытия свидетельству, и временит не из человеческого бытия, а также не благодаря ему, но из того, что обнаруживается в этом способе бытия, из того, во что веруют. Первоначальным для предмета веры и лишь для него обнаруживаемым и отличающим веру как откровение сущим является в "христианской" вере — Христос, распятый Бог.

Определенное таким образом через Христа отношение веры к кресту является христианским. Но Распятие и все принадлежащее ему является историческим происшествием, и это событие свидетельствует о себе в своей специфической историчности лишь для веры в Писании. Факт этот можно "осознать" лишь в вере.

Обнаруженное таким образом обладает сообразно со своим

специфическим "жертвенным" характером определенным сообщением, направленным на фактически и исторически существующего человека, одновременного или неодновременного нам, или же на сообщество этих отдельных как на общину. Это откровение не является в качестве сообщения передачей знания о действительных или соответственно бывших и наступающих событиях, это сообщение делает "со-участником" в событии, предъявленном откровением или тем, что открывается в нем. Это совершающееся лишь в экзистировании с о - у ч а с т и е дано всегда как таковое лишь в вере и через веру. Но в этом "со-участии" и "со-действии" в событии распятия все человеческое бытие предстоит перед Богом как христианское, т.е. соотнесенное с крестом, и затронутая этим откровением экзистенция обнаруживается сама для себя в ее богозабытости. Итак, по смыслу - я говорю всего лишь об идеальной конструкции идеи - стояние перед Богом является перестановкой экзистенции через постигнутое в вере милосердие Бога. Следовательно, вера постигает сама себя всегда лишь в вере.

Верующий никогда толком не знает, хотя бы через теоретическую констатацию внутренних переживаний, о своем специфическом существовании: он может лишь "верить" в эту экзистенциальную возможность как в то, над чем затронутое человеческое бытие не имеет власти, где оно становится рабом, предстает перед Богом и, таким образом, пере-рождается. Собственным экзистенциальным смыслом веры тогда будет: вера = пере-рождение. И более точно - пере-рождение не в смысле моментального преобразования какого-либо качест-

ва, но пере-рождение как модус исторического существования фактического и верующего человеческого бытия в истории, начатого с события откровения; в истории, в которой уже сообразно смыслу откровения осуществлено полагание определенно последнего конца. Событие откровения, перешедшее в веру и совершающееся потому в верующем, обнаруживает себя лишь самой вере. Лютер говорит: "Вера- это выдача себя уловленным в вещах, которые мы не видим".

Но вера- это не ~~нечто~~ нечто, в чем святое событие обнаруживает себя как происшествие, т.е. определенным образом по-другому модифицированный способ познания, вера как присвоение откровения сама образует христианское событие, т.е. способ существования, определяющий фактическое человеческое бытие в его христианскости как специфическом уделе. Вера- это понимаемое через веру существование в откровении Распятия, т.е. совершающейся истории.

Целое этого сущего, обнаруженного через веру, и обнаруженное так, что вера сама принадлежит событийной взаимосвязи этого обнаруженного в вере сущего, образует позитивность пред-находимого в теологии. Предположив, что теология зависит от веры, в то время как наука представляет собой с в о б о д н о совершающееся, понятийно раскрывающее опредмечивание, теология конституирует себя в тематизации веры и того, что в вере обнаружено, т.е. "откровенного". Нужно учесть, что вера- это не просто способ раскрывающейся предметности и позитива, опредмечиваемого теологией, она сама входит в тему.

И не только это! Поскольку теология зависит от веры, она обнаруживает достаточный мотив для себя лишь в вере. И если бы вера с самого начала противоречила понятийному изложению, то теология в своем предмете (вере) была бы совершенно несообразной концепцией. Она бы потеряла существенный момент, без которого она уже заранее никогда не станет наукой. Необходимость теологии поэтому вообще невозможно дедуцировать из сугубо рационалистической системы наук. Более того: вера не только мотивирует вторжение излагающей христианство науки; вера как возрождение является одновременно историей, в которую теология вносит и свой вклад. И только в качестве ингредиента веры как христианского исторического события теология обладает своим смыслом и правом.

Раскрыв эту зависимость, мы укажем, как через специфическую позитивность теологии, т.е. через обнаруженное как в вере вера христианское событие предудказана научность науки о вере.

Б. Научность теологии

Теология- это наука веры.

Об этом говорилось многое:

1. Она-наука того, что обнаружено в вере, т.е. того, во что уверовали. Содержание веры- это не то, чему мы попросту соответствуем как взаимосвязи суждений о фактах и событиях, которые несмотря на то, что они неоднозначны в теории, могут быть присущи именно этому соответствию.

2. Теология в единстве с этим является и наукой о самом верующем отношении "веруемости", которая, представленная как откровение, является лишь такой, какой она может быть сообразно со своей внутренней возможностью. Это значит, что вера, как верующее отношение сама- предмет веры, сама принадлежит тому, во что веруют.

3. Теология, затем, является наукой веры не только потому, что она делает своим предметом веру и то, во что веруют, но и потому, что она сама происходит из того, во что веруют. Она является наукой, которую вера мотивирует из самой себя и оправдывает собой.

4. Теология, наконец, является наукой веры, поскольку она не только обладает своим предметом в вере и мотивируется этим предметом, но поскольку опредмечивание веры сообразно тому, что здесь опредмечивается, обладает единственной целью- выработать саму веруемость. Формально взятая, вера представляет собой в качестве экзистирующего отношения к Распятому способ исторического бытия в истории, человеческого существования, точнее исторического бытия в истории, открывающегося лишь в вере и для веры. Поэтому теология как наука о вере как о себе в историческом способе бытия является в своем самом внутреннем основании исторической наукой; и в соответствии с заключенной в вере своеобразной историчностью- "события откровения"- исторической наукой на собственный лад.

Теология как понятийная самоинтерпретация верующей экзистенции, т.е. как историческое познание, нацелена только на обнаруженную в веруемости и очерченную благодаря

веруемости в своих границах прозрачность исторического события.

Следовательно, целью этой исторической науки является христианское существование само в его конкретности, а не значимая в себе система теологических суждений о всеобщих истинах внутри какой-либо имеющейся сферы бытия. Эта прозрачность верующей экзистенции может в качестве понимания экзистенции соотноситься лишь с самим экзистированием. Каждое теологическое суждение и понятие обращено по своему содержанию, и не только на основе так называемого практического применения, ко внутреннему бытию верующей экзистенции отдельного человека в общине. Специфическая содержательность предмета теологии требует того, чтобы теологическое познание ни в коем случае не опустилось бы до вольнопарящего знания о некотором содержании. В столь же малой степени теологическая прозрачность и понятийная интерпретация веры сможет обосновать и укрепить ее в своей законности, а также каким-то образом облегчить ее принятие и нахождение в нем. Теология способна лишь затруднить веру, т.е. приблизить нас к пониманию того, что веруемость приобретается как раз не благодаря ей — теологии как науки — но только через веру. Таким образом, теология способна затронуть совесть лежащей в вере как в подаренном способе существования серьезностью. Теология "способна" на это, т.е. она может это именно через "возможно".

Теология, следовательно, соответственно с определенной ей позитивностью является исторической наукой. Кажется, что этим тезисом мы отрицаем возможность и необходимость как систематической, так и практической

теологии. Однако следует учесть: мы не говорим, что есть только историческая теология, исключая как "систематическую", так и "практическую" теологию. Тезис звучит прежде всего так: теология вообще как наука исторична, на какие бы дисциплины она не делила себя. Да, как раз благодаря этому свойству становится понятным, как теология, не возвышаясь над этим, но сообразно специфическому единству ее тем, делится изначально на систематическую, историческую (в более узком смысле слова) и практическую дисциплины. Философское понимание науки завоевывается не случайно преданным делением и не простым принятием технического разделения труда, чтобы затем внешне соединить различные дисциплины и сверх того образовать "всеобщее" понятие. Напротив, следует спросить о фактически предлагаемом членении и сообщить, происходит ли это членение из сущности данной науки, почему оно происходит и в какой степени фактическая организация соответствует детерминированной своей позитивностью науке.

Но относительно теологии тогда выявится; поскольку она является понятийной интерпретацией христианской экзистенции, все понятия по своему содержанию обладают существенным отношением к христианскому событию как таковому. Понять его в его содержании и в специфическом способе бытия и понять так, как оно определяет себя в вере для веры и является задачей систематической теологии. Другими словами: теология не потому систематична, что дробит целое содержание веры на ряд положений, чтобы

погрузить их затем в рамки системы и доказать тем самым значительность этой системы. Она систематична не благодаря построению системы, но, наоборот, благодаря бегству от системы, в том смысле, что она стремится лишь вывести на свет внутреннюю христианского события как такового, т.е. поставить верующего как понятийно постигающего в историю откровения. Чем историчнее теология, тем непосредственнее облачает она историчность веры в слово и понятие, тем "систематичнее" она, тем менее она становится рабом системы. Первоначальность знания об этой задаче и его методические предпосылки являются критерием научного уровня систематической теологии. Задача его тем уверенней и чище, чем непосредственнее теологии предаст понятие и понятийные взаимозависимости специфической содержательности сущего, которое опредмечивает ее. Чем однозначнее отворачивается теология от применения какой бы то ни было философии и ее системы, тем философичнее она в присущей ей научности.

С другой стороны, имеет значение: чем систематичнее теология в обозначенном смысле слова, тем непосредственнее обосновывает себя тем самым необходимость исторической теологии в более узком смысле слова как экзегезы, истории церкви и истории догм. И если эти дисциплины хотят быть истинной теологией, а не особыми частями исторических наук, всеобщих и профанирующих, тогда им следует обозначить свой предмет перед лицом правильно понятой систематической теологии.

И все же к самоинтерпретации христианского события как исторического принадлежит то, что оно в постоянном

обновлении производит присвоение своей собственной историчности и выросшего в ней понимания возможностей верующего тут-бытия. Поскольку теология как систематическая и одновременно историческая дисциплина обладает изначально христианским событием в его христианскости и историчности как своим предметом, событие же это определяет себя как способ существования верующего, а экзистирование является действием, т.е. , теология по своей сущности обладает характером практической науки, как наука о действии Бога в действующем с верой человека— она изначально "гоми-летична".

И единственно поэтому существует возможность того, чтобы теология в ее практической организации конституировала себя как практическая теология, как гомилетика и катехетика, а не потому, что из определенных потребностей складывается требование применить теоретическое в себе суждение на практике.

Систематична теология только потому, что она историко-практична. Исторична потому, что она системно-практична. Практична потому, что она системно-исторична. Все эти характеристики существенно зависят друг от друга. Сегодняшние теологические контroversы могут стать действительным спором в плодотворной коммуникации, если проблема теологии как науки будет ориентирована на центральный, возникший из идеи теологии как позитивной

н а у к и вопрос: каково основание специфического единства и необходимого разнообразия систематических, исторических и практических дисциплин в теологии?

Очерченный бегло характер теологии мы вкратце опишем, показав, чем теология не является.

Понятие теологии означает: наука о Боге. Но Бог ни в коем случае не может быть предметом ее исследования, как, скажем, животные являются предметом зоологии. Теология — это не спекулятивное познание Бога. В той же степени мы не затронем ее понятия, если мы расширим тему и скажем: предметом теологии является вообще отношение Бога к человеку и наоборот; тогда теология стала бы религиозной философией как религиозной историей, коротко, религиозной наукой. Еще меньше она является наукой о человеке, его религиозных состояниях и переживаниях в смысле религиозной психологии: наукой о переживаниях через анализ которых в конце концов в человеке открывается Бог. Можно лишь принять, что теология не покрывается: ни спекулятивным познанием Бога, ни наукой о религии и религиозной психологией вообще, но необходимо одновременно подчеркнуть, что теология представляет собой особый случай религиозной философии, религиозной истории и т.д., т.е. философско-исторически-психологической науки о христианской религии. После сказанного, однако, становится ясным: систематическая теология не является ориентированной на христианскую религию религиозной философией, в столь же малой степени, в коей церковная история представляет собой ограниченную христианской религией религиозную философию. Во всех этих

интерпретациях теологии уже заранее утеряна идея этой науки, поскольку она выводится не из взгляда на специфическую позитивность, но завоевывается на пути дедукции и специализации нетеологических и совершенно гетерогенных наук: философии, истории и психологии. Но где находится граница этой теологической научности, т.е. как далеко специфические требования веруемости могут быть подвержены понятийной прозрачности, оставаясь в то же время веруемостью — вот одна из центральных и трудных проблем, которая теснейшим образом связана с вопросом о первоначальном основании для единства трех теологических дисциплин.

Мы ни в коем случае не должны искать научность теологии на том пути, где другая наука служит руководящим масштабом очевидности ее доказательств и строгости ее понятий. Сообразно лишь существенно в вере раскрытому позитиву теологии не только подход ее к ее предмету является ее собственным, но и очевидность суждений ее специфична. Своеобразная понятийность теологии может произрасти лишь из нее самой. Она не нуждается в заимствованиях из других наук для умножения и утверждения ее доказательств, она так же не может употребить знания других наук для того, чтобы усилить очевидность веры или оправдать ее. Напротив, теология прежде всего обосновывается верой, в то время как ее высказывания и доказательства формально соответствуют свободным действиям ума.

И также слабость не-теологических наук перед лицом того, что открывает вера, не является доказательством истинности веры. "Не верую" науки можно напустить на веру и наблюдать раскол неверия лишь тогда, когда уже заранее

утвердились в истине веры. Но самозаблуждение веры состоит в том, что она думает вступить в свои права перед лицом этого раскола и даже утвердиться в них таким образом. Любое теологическое познание основывается в его теологической содержательности на вере, оно возникает из веры и вновь уходит в веру.

На основе своей специфической позитивности и предписанной сообразно ее формы знания теология представляет собой полностью своеобразную онтическую науку.

Теперь возникает вопрос: как она, охарактеризованная в своей позитивности и научности, — положительная наука относится к философии?

с) Отношение теологии как позитивной науки к философии.

Вера нуждается не в философии, но в науке веры как позитивной науке. Хотя здесь вновь необходимо различать: позитивная наука веры нуждается в философии не для обоснования и первоначального раскрытия ее позитивности, христианского. Последняя обосновывает себя по-своему. Позитивная наука веры нуждается в философии, лишь учитывая ее научность; и это, конечно, хотя и фундаментальным, но все-таки своеобразно ограниченным способом. Как наука теология предъявляет к себе требования ориентации и соизмеримости своих понятий с сущим, изложить которые является ее Задачей. Но не обнаруживается ли сущее, которое нужно изложить в теологических понятиях, только через веру, для веры и в вере? Не является ли то, что выражается в науке веры понятийно, по существу непонятийным, не обосновывае-

мым рационально в своем содержании и не получающим рационального оправдания?

Но может существовать нечто непонятное и первоначально недоступное разуму, однако оно не обязательно отрицает собой всякую понятийную интерпретацию. Напротив, если непонятность как таковая должна быть обнаружена как раз подлинным образом, то это происходит лишь на пути соответствующей, т.е. понятийной интерпретации, наталкивающейся на свои границы. Иначе непонятность остается как бы немой.

Это изложение верующей экзистенции и есть дело теологии.

Зачем же философия? Каждое сущее обнаруживает себя лишь на основе предварительного, хотя и неосознанного, или предпонятийного понимания того, что такое сущее и каково оно. Любое онтическое изложение движется прежде всего и чаще всего по скрытому основанию онтологии. Может ли нечто подобное кресту, греху и т.п., т.е. все то, что откровенно принадлежит к Божественной взаимосвязанности христианства, быть понято в своем специфическом что-бытии и как-бытии вне веры? Каким образом что-бытие и как-бытие этих конститутивных для христианства понятий можно обнаружить онтологически?

Вероятно, познавательным критерием онтологически-философской экспликации должна стать вера. Может быть, именно теологические понятия полностью не поддаются философски-онтологическому осмыслению?

Конечно, мы не должны упускать из виду нечто существенное: экспликация основных понятий оправдывает себя в

том случае, когда она правильно применяется, а не тогда, когда изолированные понятия эксплицируются и определяются для себя, а затем, как игральные карты, передвигаются взад и вперед.

Всякая экспликация основных понятий должна направить старание на усмотрение и постоянное удержание в уме первоначально закрытого бытийственного взаимодействия, к которому отсылают все основные понятия: взаимодействия, рассмотренного в его первоначальной целостности. Что это значит для экспликации основных теологических понятий?

Мы называли веру существенным конститутивом христианского: вера- это воскресение.

Вера не производит себя саму и обнаруженное в ней не обосновывается рациональным знанием свободно опирающегося на себя разума. Но в христианском событии, как в воскресении, заложено то, что в нем снята пред-верующая, т.е. неверующая экзистенция тут-бытия. Снята не значит устранена, а поднята в новое творение, сохранена и защищена в нем. Конечно, в вере экзистенциально-онтически преодолена пред-христианская экзистенция.

Но это, относящееся к вере как к воскресению экзистенциальное преодоление пред-христианской экзистенции говорит как раз о том, что в верующей экзистенции экзистенциально-онтологически заключено преодоление пред-христианское тут-бытие. Преодолевать не значит отталкивать, а взять в новое распоряжение. Отсюда вывод: все теологические понятия, взятые в своей полной региональной взаимозависимости, обладают экзистенциально бессильным, т.е. онтически снятым, но как раз поэтому онтологически определяющим

пред-христианским и поэтому чисто рациональным содержанием. Все теологические понятия скрывают в себе по необходимости такое понимание бытия, которым человеческое тут-бытие обладает как таковое, поскольку оно существует. Так, например, грех обнаруживает себя лишь в вере и фактически только верующий может быть грешником. Но если грех, который представляет собой противофеномен вере как воскресению и является поэтому экзистенциальным феноменом, должен быть изложен теологически-понятийно, то по с а м о м у с о д е р ж а н и ю понятия, а не по какой-либо прихоти теолога совершается переход от понятия греха к понятию вины. Вина же является первоначальным онтологическим экзистенциальным определением тут-бытия. Чем первоначальнее, соизмеримее и в подлинном смысле слова онтологичнее просветлена основная интерпретация тут-бытия, чем изначальнее, например, рассмотрено понятие вины, тем однозначнее может оно фигурировать в качестве путеводительной нити для теологической экспликации греха. Но если таким образом в качестве путеводной нити берется онтологическое понятие вины, то именно философия первоначально разрешает вопрос о теологическом понятии. Не становится ли в таком случае теология служанкой философии? Нет. Поскольку грех не должен рационально дедуцироваться из понятия вины. Еще меньше эта ориентация на онтологическое понятие вины может указать на сам факт вины; также малоочевидна здесь и фактическая возможность греха. То, что здесь достигается и что представляется для теологии как для науки необходимым, представляет собой обретение теологическим понятием греха

как понятием экзистенциальным коррекции (сопровождения), которая необходима для него, по своему пред-христианскому содержанию, — как для экзистенциального понятия. Первоначальное же направление (руководство) как источник для христианского содержания мы получаем всегда только от веры. Онтология, следовательно, действует лишь как корректив онтического, точнее, пред-христианского содержания основных теологических понятий. Но здесь следует обратить внимание: этот корректив не обоснован подобно тому, как физические понятия получают через онтологию природы свое изначальное обоснование, указание на полноту внутренних возможностей и, следовательно, свою более высокую истину. Корректив — это прежде всего формальное указание, иначе онтологическое понятие вины как таковое никогда не станет теологической темой. Понятие греха никогда не возникнет из онтологического понятия вины. И все же оно является определяющим в одном направлении, а именно в том, что оно указывает на онтологический характер бытийственной сферы, в которой по необходимости присутствует понятие греха как понятие экзистенциальное.

В этом формальном указании онтологической сферы не заложена ориентация на то, чтобы измерить философией специфически теологическое содержание понятия, но на то, чтобы черпать из экзистенциального измерения веры. Итак, формальное направление онтологического понятия не обладает функцией соединения, оно предоставляет свободу и указывает

на специфическое, т.е. сообразное с верой открытие теологических понятий. Обозначенная функция онтологии — не направление, она лишь сопровождает, она — корректив.

Философия — это формально указующий корректив онтического, и именно пред-христианского, содержания теологических понятий.

Но к сущности философии не принадлежит то, что она является корректирующей функцией для теологии. Напротив ~~там~~ того, можно показать, что философия как свободное спрашивание на себя ориентированного мышления выполняет задачу онтологически обоснованного направления относительно всех других не-теологических позитивных наук. В качестве онтологии философия, очевидно, дает возможность взять себя для теологии в смысле характерного корректива, если, иначе теология должна фактически справиться с фактичностью веры. Требование же такого взятия поставлено как раз не философией, а теологией, поскольку она понимает себя как науку. Поэтому точное определение и ~~общие~~ ~~общих~~ обобщение звучит так: Философия — это возможный, формально указующий онтологический корректив онтического, точнее пред-христианского содержания теологических понятий. Философия же может быть тем, чем она и является, не фигурируя в качестве такого корректива фактически.

Это своеобразное отношение не исключает, а, напротив, предполагает, что в е р а в своем внутреннем содержании как специфическая экзистенциальная возможность остается смертельным врагом относительно существенно принадлежащей

к философии и фактически очень изменчивой экзистенциальной формы.

Так что философия вовсе не пытается каким-то способом победить этого смертельного врага! Это экзистенциальное противоречие между верой и свободным принятием всего тут-бытия, это противоречие, существующее уже до теологии и философии, до их оформления в науки, это противоречие как раз и несет возможное единство теологии и философии как наук, конечно, в том случае, если эта коммуникация хочет остаться подлинной, освобожденной от любых иллюзий и слабых попыток посредничества. Поэтому нет ничего, что можно назвать христианской философией, все это будет "деревянным железом". Не существует и неокантианской, аксиологической феноменальной теологии, подобно тому, как нет феноменологической математики. Феноменология — лишь название для действий онтологии, которая существенно отличается от всех других позитивных наук.

Конечно, мыслитель может овладеть феноменологией и ее шагах и исследованиях, занимаясь одновременно и своей позитивной наукой. Но философское познание значимо и плодотворно для какой-либо позитивной науки, если только оно в пределах собственной проблематики, вырастающей из позитивного осмысления онтического взаимодействия данной сферы, наталкивается на основные понятия своей науки и если оно ставит под вопрос пригодность традиционной терминологии для ставшего темой сущего. Тогда оно может спрашивать, исходя из требований своей науки, из горизонта собственных научных вопросов, находясь одновременно

на границе основных понятий, спрашивать о первоначальной бытийственной интерпретации сущего, которое должно сохранить себя как предмет и стать новым.

Выросшие таким образом вопросы переходят за самих себя, поскольку то, о чем они спрашивают, доступно и определяемо лишь онтологически. Конечно, научная коммуникация между исследователями позитивных наук и философией не может быть уложена в твердые правила, к тому же ясность, надежность и первоначальность критики, произведенной самими позитивными науками в отношении их фундамента, меняется так быстро и многосторонне, как достигнутая и удержанная степень самопросветления подлинной сущности в философии. Эта коммуникация завоевывает и охраняет свою истинность, жизненность и плодотворность лишь тогда, когда общий, сообразно выразившийся позитивно-онтический и трансцендентально-онтологический вопрос руководится инстинктом вещи и надежностью научного шествия такта и когда все вопросы о господстве, преимуществе и ценности наук отступают перед лицом внутренней необходимости самой научной проблемы.

Комментарий:

"Онтический" — термин происходит от понятия "сущего", он отсылает к ограниченным субъект-объективным структурам, определяющим мир науки.

"Онтологический" — происходит от "бытия". Бытие, по Хайдеггеру, это то, что делает сущее сущим. Его природа трансцендентна и несводима к какой-либо ограниченной сфере сущего.